
НЕКОТОРЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОДТЕКСТА СТИХОТВОРЕНИЯ В. ВЫСОЦКОГО «ДАВНО Я ПОНЯЛ: ЖИТЬ МЫ НЕ СМОГЛИ БЫ»

И.Е. Намакштанская

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры
ул. Державина, 2, Макеевка, Украина, 86123

Е.В. Романова

Кафедра генетики, растениеводства и защиты растений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 8/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена раскрытию подтекста стихотворения В.С. Высоцкого «Давно я понял: жить мы не смогли бы», в котором великий российский поэт использовал разнообразные символы, намеки и недоговоренности, чтобы спрятать от цензуры реальную направленность своего произведения — сопротивление представителей интеллигенции — шестидесятников — против политики тоталитаризма в советском обществе.

Ключевые слова: поэзия В.С. Высоцкого, фразеология, украинизмы, русская разговорная речь, подтекст, мифология.

Разговорная речь по сравнению с правильным литературным языком в большей мере несет на себе характеристику человека по критериям его образованности, классовой принадлежности, социального статуса в обществе, национальности, характера и в конце концов — психического состояния в тот или иной жизненный момент. На языковом уровне фиксаторами названных характеристик являются стилистика речи персонажа: лексика, морфология и синтаксис речевых высказываний, а также фразеология, которую он использует.

Именно этим (плюс диалектные и профессиональные особенности речи) и воспользовался В.С. Высоцкий, создавая индивидуальные речевые характеристики своих героев.

Остановимся на анализе одного из названных показателей индивидуализации поэтом речи персонажей песен и стихотворений, — на исследовании ситуативных значений украинизмов. Но вначале — небольшой лингвистический экскурс в историю развития русского и украинского языков.

Проникновение в русскую речь украинизмов отмечено своими подъемами и спадами. «Украинские элементы, — пишет Р. Якобсон, — начали просачиваться в русский литературный язык на рубеже XVII столетия в качестве носителей вестернизации и секуляризации» [1. С. 60].

После воссоединения России и Украины в 1654 г. многие культурные центры заняли украинские просветители, привнеся в русскую речь большой пласт украинизмов.

Украинскими заимствованиями заполняются поэтические произведения Симеона Полоцкого, Сильверста Медведева, Кантемира и многих других русских поэтов.

Согласно исследованиям ученых прошлых столетий и современных лингвистов большой вклад в дело украинизации русского языка внес Петр I своими указами, согласно которым книги в Киеве и Чернигове должны были издаваться только языком, который ничем не отличался бы от московской речи. А это было время, когда формирование украинского литературного языка совпадало с языковыми процессами в России, о чем писал И. Огиенко (Митрополит Илларион): «Украинский литературный язык опирается на старинную основу, из нее окончательно выбрасываются полонизмы и новейшие германизмы, из чего постепенно формировался язык, который хорошо понимали в Москве, — появляется язык, вроде бы общий для юга и севера, „общерусский“ язык в идее». И, как отмечает современный исследователь языка О.В. Шимко, «именно этот язык использовали киевские ученые (С. Полоцкий, С. Яворский, Е. Славеницкий и другие), именно этот язык исправляли в соответствии с юго-западными источниками». И далее: «Среди исследователей истории украинского языка существует негативное отношение к указу 1720 г. и последующих (1721 г., 1727 г., 1728 г.): они расцениваются как такие, что сдерживали развитие украинского литературного языка. На наш взгляд, указы ограничивали права не столько украинского литературного языка (он формировался на народной основе), сколько русского, который наследовал предыдущую книжную традицию» [2. С. 31].

В своем утверждении автор обращается к словам Н.С. Трубецкого, который писал о том, что «старая великорусская культура при Петре I умерла, а та культура, которая живет и развивается в России, является естественным и непосредственным продолжением не московской, а киевской украинской культуры» [3].

Не вдаваясь в дискуссионность данного вопроса, поскольку не это является целью нашей работы, ограничимся только упоминанием данных точек зрения относительно путей проникновения украинизмов в русскую разговорную речь.

Думается, что объединение наций в советское время одним — русским — языком не только не остановило, но даже в какой-то мере способствовало проникновению в русскую разговорную речь элементов национальных языков отдельных народов, в том числе и украинского.

Этим обусловлено, с нашей точки зрения, обилие украинизмов в речи персонажей В. Высоцкого. Причем украинизмы, введенные поэтом в тексты песен и стихотворений, свидетельствуют не только о национальной принадлежности персонажа, в речи которого они встречаются (к чему поэт несомненно стремился), но и о влиянии украинского языка на повседневную (разговорную) русскую речь.

Наиболее интересным, на наш взгляд, в этом плане является введение В.С. Высоцким украинизмов и украинской символики в стихотворение «Давно я понял: жить мы не смогли бы», датированное 1964 г. [4].

Среди его лексических украинизмов можно отметить такие слова: предлог *про* («*Ты не тиши мне про березы, вербы*»), наречие *враз* («*не то я враз усну*»), предлог *за* («*вовсе не скучаю за сосну*»), глагол *бывай*, ситуативно соответствующий украинскому прощальному пожеланию *бувай [здоровий]* («*Ну в общем ладно — надзиратель злится, И я кончаю, — ну всего, бывай!*»).

Кроме того, в стихотворение введены с символическими значениями образы деревьев: «березы», «вербы», «кедры», «сосна». Причем поэт активно использовал славянские мифопоэтические и библейские значения этих деревьев.

Так, береза — носитель чистоты, света, нежности. У многих народов, например у украинцев, она всегда ассоциировалась, ассоциируется и сейчас, с Россией, где произрастает более 40 видов этого дерева.

У россиян с давнего времени береза используется в многочисленных народных ритуалах. К примеру, согласно одному из них девушка, которая хотела выйти замуж, украшала двери своего дома ветками березы.

Россияне считают, что посещение березовой рощи очищает душу человека.

Верба же — символ жизненной силы и в то же время — печали и женского одиночества. В украинской мифологии она относится к проклятым Богом деревьям, поскольку из нее были сделаны гвозди, которыми сбивали крест для распятия Спасителя. За это ее точат черви, в сухой вербе сидят черти, что запечатлено и в украинской пословице «Закохався, як чорт у суху вербу» [5. С. 299].

Эти два образа (вербы и березы) встречаются в стихотворении В.С. Высоцкого при описании бывшей у авторского героя и нынешней у адресата его письма (Маши) жизни («*Ты не тиши мне про березы, вербы — / Прошу Христом, не то я враз усну*»).

Сосна в украинской мифологии считается деревом благодатным, поскольку Бог благословил ее за то, что древесина сосны не подошла для гвоздей при крестных страданиях Иисуса Христа. Ее символика связана и с Мировым деревом, о чем свидетельствуют украинские народные песни, согласно которым сосна стоит посреди двора, на ней растет золотая ряска, покрыта она золотой корой, осыпана жемчужной росой и называется райским деревом, имеющим три верха, где сидят два (иногда три) голубя, которые создали мир — небо с Солнцем, Месяц и звезды — из синих или золотых камешков, а землю — из мелкого песка [6. С. 142; 5. С. 299].

В некоторых регионах Украины образ сосны используется и с ассоциативным значением покорности.

Может быть, именно эту коннотацию в символике сосны имел в виду В.С. Высоцкий в строке стихотворения «*вовсе не скучаю за сосну*». Но сосна — символ покорности в украинской мифологии — осталась в прежней жизни авторского героя.

А в его, осужденного и обреченного на пребывание вдали от дома, теперешней жизни «*растут такие [...] кедры*». В украинской мифологии кедр — символ величия, в Библии же он используется со значением знатности, силы и долголе-

тия. С комплексом этих значений и ввел, с нашей точки зрения, данный символ В.С. Высоцкий в свое стихотворение. И это надо понимать так: среди заключенных есть сильные духом люди, способные выстоять, не сдаться и постоять не только за себя. Дополнительной позитивной характеристикой авторского героя (адресанта письма) могут послужить такие черты его характера, как:

- объективность и честность: *«И что ушла — все правильно, клянусь»;*
- чувство благодарности: *«А за поклоны к праздникам — спасибо»;*
- незлопамятность (очевидно, к бывшим обидчикам, от которых Маша передает привет): *«И за приветы тоже не сержусь»;*
- неприязнительность и сочувствие: *«А зря заботишься, хотя и пишешь — муж, но, / Как видно, он тебя не балует грошом»* (кстати, последняя лексема здесь тоже может быть трансформированным украинизмом (*гроші* — деньги);
- неагрессивность: *«Ну в общем ладно — надзиратель злится»;*
- теплота души и нежные чувства к бывшей жене: *«...А знаешь Маша, знаешь, — приезжай».*

Во всем стиле письма (лексика и синтаксис фраз, логическая последовательность и т.д.), в форме которого написано стихотворение, ощущается высокое человеческое достоинство в характере адресанта — авторского героя.

Не зная, к сожалению, истории написания стихотворения, позволим себе допустить, что оно было посвящено украинской интеллигенции, которая в 60-е гг. активно вступила в борьбу с политической властью СССР за демократические основы общества и в этом стремлении была единомышленна с российскими шестидесятниками, о чем позже напишет украинский писатель, критик, академик АН Украины Иван Дзюба в своей книге «Сквозь завихрения времени» [7], сожалея о том, что украинская и российская интеллигенция в настоящее время «утратила состояние этого большого взаимопонимания и большой взаимоподдержки между определенными кругами интеллигенции всех тех народов, которые назывались народами Советского Союза. Ведь проблемы были у всех одинаковые... Можно было бы много привести примеров, как наши молодые поэты, кинодеятели, режиссеры получали поддержку там, потому что была общая цель — борьба за свободу, борьба за культуру, и общий враг — тоталитаризм. Поэтому и были единение и поддержка» [8. С. 10].

Учитывая и эти слова Ивана Дзюбы, вернемся к нашим предположениям относительно подтекста стихотворения «Давно я понял: жить мы не смогли бы», которое, если бы было написано в 1965 г. или позже, то напрямую проецировалось бы на широко известный в свое время эпизод протеста украинской интеллигенции перед премьерой (04.09.1965) в столичном кинотеатре «Украина» фильма С. Параджанова «Тени забытых предков», когда на сцену вышел Иван Дзюба, открыто заявивший «про начатую волну гонений на украинскую интеллигенцию, среди которой начались аресты... И тогда на призыв украинского поэта Василя Стуса „Кто против тирании — встаньте!“ поднялась часть людей, присутствующих

на премьер» [9. С. 14]. Опять-таки, если бы стихотворение было написано позже, можно было бы связать данный исторический факт и со следующей строфой:

*Ты пишешь мне про кинофильм «Дорога»
И что народу — тыщами у касс, —
Но ты учти — людей здесь тоже много
И что кино бывает и у нас.*

Очевидно, что в последней строке есть подтекст, поскольку в русской разговорной речи словом «кино» называются и разные внезапные стычки, драки, скандалы, протесты и т.д., то есть те жизненные эпизоды, которые связаны с внезапным агрессивным проявлением людей.

Как видим, в стихотворении «Давно я понял: жить мы не смогли бы» (может быть, за этой строкой должно быть подтекстовое продолжение: «в этих условиях», — ведь и контекстуально оправданная лексема «вместе» отсутствует) через украинизмы поэт как бы подсказывает нам украинскую тематику подтекста (естественно, что о публикации стихотворения в год его написания не могло быть и речи). И если наши предположения верны, то можно утверждать и то, что дата написания стихотворения, обозначенная составителями двухтомного сборника сочинений [4], является неточной.

В заключение необходимо отметить, что большинство украинизмов, функционирующих в поэзии В.С. Высоцкого, свидетельствует не только о тщательной работе поэта над индивидуальной речевой характеристикой персонажей, но более того — и о том, что украинский язык через его носителей продолжал оказывать влияние на русскую разговорную речь. А поэзия XX столетия, как, впрочем, и проза, используя речевые средства, воссоздавала «территориально-разговорные особенности, по которым читатель узнает край, быт, обычаи, время описанных событий; социально-разговорные черты, отражающие уровень образованности персонажей; степень художественной стилизации, распространенной на разных социальных уровнях разговорной практики» [10. С. 319—320].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Якобсон Р.* Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. — М.: Прогресс, 1987.
- [2] *Шимко О.В.* Вплив церковнослов'янської мови української редакції на московську книжно-писемну традицію // *Мовознавство*. — 2007. — № 2. — С. 26—34.
- [3] *Трубецкой Н.С.* Избранные труды по филологии / Под общ. ред. Т.В. Гамрелидзе и др. — М.: Прогресс, 1987.
- [4] *Высоцкий В.С.* Сочинения в двух томах. — Екатеринбург: Изд-во «Крок-Центр», 1995.
- [5] *Міфи України. За кн. Георгія Булашера «Укр. народ у своїх легендах, реліг. поглядах та віруваннях» / Пер. Ю. Буряка.* — К.: Довіра, 2003.
- [6] *Войтович Валерій.* Українська міфологія. — К.: Либідь, 2002.
- [7] *Дзюба И.* Сквозь завихрения времени. — К.: Издат. Дом Бураго, 2010.
- [8] *Никонорова Олена.* «Реванш» Івана Дзюби // *Урядовий кур'єр*. — 2007. — № 245. — С. 8.
- [9] *Шпак Віктор.* «Хто проти тиранії — встаньте!» (До 70-річчя від дня народження Василя Стуса) // *Урядовий кур'єр*. — 2003. — № 8. — С. 8.
- [10] *Єрмоленко С.Я.* Нариси з української словесності (стилістика та культура мови). — К.: Довіра, 1999.

**CONCERNING IMPLIED SENSE OF A POEM OF V. VYSOTSKY
«FOR A LONG TIME I HAVE UNDERSTOOD SOME OFFERS:
LIVE WE COULDN'T»**

I.E. Namakshanskaja

Department of Applied Linguistics and Ethnology
Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture
Derzhavina str., 2, Makeevka, Ukraine, 86123

E.V. Romanova

Department of Genetics, Crop Production and Plant Protection
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Macklay str., 8/2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted disclosing of implied sense of a poem of V.S. Vysotsky «For a long time I has understood: live we couldn't» in which the great Russian poet used various symbols, hints and reticences to hide from censorship a real orientation of the product — resistance of representatives of intelligence — men of the sixties — against a totalitarianism policy in the Soviet society.

Key words: V.S. Vysotsky, phraseology, Ukrainianism, Russian speaking, mythology.